

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ В 1946-1953 ГГ.

Изучение проблем развития общества в период тоталитарного строя в Украине по-прежнему сохраняет свою актуальность, особенно в условиях демократических преобразований. Высшая школа, наряду с другими сферами культуры, ощутила на себе влияние субъективного и антинаучного вмешательства государства, его политической организации – Коммунистической партии.

Идеологический диктат в вузах стал отголоском политических кампаний в обществе. Борьба власти с «буржуазной идеологией», «космополитизмом» в учебной и научной сфере выразилась в изъятии из учебного материала переводных учебников, монографий по техническим и естественным дисциплинам, написанных зарубежными авторами, переписывании истории науки и техники и приписывании русским ученым зарубежных открытий. Делались попытки переписать законы физики, генетики как не отвечающие «советским законам». Началась травля ученых вузов, использующих в своей деятельности классическую науку, запрещалось использование в научной и учебной деятельности достижений западной науки, именуемой как «буржуазной».

Это пагубно отразилось на учебном процессе, на формировании ученой технической элиты, которая лишалась возможности получать научные знания на основе самых передовых научно-технических достижений, более плодотворно заниматься наукой, а не поиском «врагов», противопоставляя «советскую» науку «буржуазной». Профессорско-преподавательский состав и их ученики – ассистенты, аспиранты, студенты подвергались «промывке мозгов», лишались основных качеств ученого – объективности и доказательности научных выводов, свободы творчества.

Проблема внесения идеологической борьбы в высшую школу в послевоенный период недостаточно изучена. Послевоенные репрессии в исторической литературе в основном касались таких вопросов культуры, как литературы, поэзии, искусства, науки. Вместе с тем высшая школа как объект внесения идеологических и, зачастую «антинаучных» взглядов в 1946-1952 гг., специально не рассматривалась. Донецкие

историки, рассматривая проблемы послевоенных репрессий, значительно больше внимание уделяют таким проблемам, как голод 1946-47 гг. [1], сталинские репрессии в отношении немецкого населения Донбасса, репатриация [2]. Проблема идеологического наступления власти в сфере образования в послевоенный период затронута в коллективной монографии «История рабочих Донбасса» и монографии А.А.Саржана [3]. Но материал, изложенный в них, касается, в основном «антисемитизма» в школах донецкого региона.

Целью данного исследования является изучение проблемы идеологического наступления на высшую школу в 1946-1953 гг. и способов внесения в учебную и научную деятельность вузов антинаучных идей на примере Донецкого индустриального института.

Победа СССР в Великой Отечественной и II мировой войнах породила в обществе ожидание серьезных перемен и, в первую очередь, в ослаблении диктата власти. Однако ожидания постепенно сменились разочарованием. Декларативные предложения прогрессивных изменений, связанные с подготовкой проекта новой Конституции, проекта Программы партии оставались малоизвестными населению. Негативные настроения в обществе стали усиливаться с течением времени ввиду сохранения тоталитарной системы и командных методов руководства. Для недовольства населения оснований было больше чем достаточно. Условия и уровень жизни основной массы населения сохранялись, по сути, военными. Деревня голодала. В городах тяжелые условия труда, бытовая неустроенность, плохое продовольственное снабжение заставляли людей критиковать действия властей.

В сложном материально-техническом и кадровом положении находилась высшая школа, которая была на грани выживания. Донецкий индустриальный институт находился в крайне тяжелом положении. В полуразрушенном состоянии находились учебные корпуса, общежития, библиотека, социальная сфера. Неудовлетворительным было и материальное положение студентов. Недовольство у них вызывало повышение пайковых цен, крохотная стипендия, на которую невозможно было выкупить талоны на завтрак, обед и ужин [4]. Они часто задавались вопросами - почему безработные в США живут лучше, чем советские рабочие, в чем же тогда преимущество советской системы над капиталистической, и требовали ответов от преподавателей общественных дисциплин [5].

Творческая и научная интеллигенция, молодежь, студенчество, фронтовики, рабочие, бывшие авангардом выражения политических настроений масс, своей критикой ставили перед властью проблему. Либо смягчить режим, на что делались намеки в период борьбы с фашизмом, или сохранить полный контроль над обществом. В первом случае проведение реформ и отказ от карательных функций власти, диктата над обществом даже в небольших дозах потенциально будет способствовать росту инакомыслия, следить за которым будет труднее, и критика власти со стороны населения будет только расти. Поэтому властью был сделан выбор в пользу сохранения и ужесточения методов управления обществом.

Начало борьбы с инакомыслием после окончания Великой Отечественной войны принято относить к Постановлению ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», принятых в августе 1946 г. [6]. Этот документ, так же как и все последующие, партия требовала обсудить во всех партийных организациях страны, послушно высказывая им одобрение.

В Украине все идеологические постановления высших партийных органов дублировались республиканскими постановлениями. В 1946 г. ЦК КП(б)У принял аналогичные документы - «О перекручивании и ошибках в освещении украинской литературы» в «Очерках истории украинской литературы» [7]. Основными задачами новой кампании в области идеологии были уже апробированные формы переключения недовольства масс трудностями восстановительного периода на интеллигенцию, которая якобы утратила «дух партийности, соцреализма», и становилась «главным врагом» Советской власти. Интеллигенция союзных республик обвинялась еще и в «национализме».

На местах партийные решения были восприняты как руководство к усилению контроля над массовым сознанием населения. Для вузов документы партии всегда увязывалось с задачей улучшения научно-исследовательской работы и, в первую очередь, усиления работы общественных кафедр институтов – политэкономии и основ марксизма-ленинизма, как основных подразделений идеологической деятельности и контроля.

Партийными органами в высших учебных институтах были организованы проверки. Проверялись организация учебного процесса, воспитательная работа со студентами, молодежью. В Донбассе в результате проверок были найдены мнимые

недостатки в работе Сталинского педагогического и Артемовского учительского институтов. Так, украинская литература якобы преподавалась с «националистическими извращениями», а история – с влиянием «буржуазно-националистической школы М.Грушевского» [8].

«Неудовлетворительным» партийное руководство республики признало преподавание марксизма-ленинизма в металлургическом, медицинском и фармацевтическом институтах г. Днепропетровска [9].

В 1946 г. были выявлены так называемые «недостатки» в преподавании основ марксизма-ленинизма в вузах Сталинской области. В «ошибках» в преподавании указанной дисциплины были обвинены заведующий кафедрой марксизма-ленинизма т. Савчук, который в лекции «Плеханов и его группа «Освобождение труда» «неправильно разъяснил сущность двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве, не осветил роль т. Сталина», и преподаватель медицинского института т. Гиль, который в лекциях не осветил «революционную борьбу т.Сталина с различными антимарксистскими и оппортунистическими движениями» [10]. Выводы носили тенденциозный характер, так как в период деятельности группы Плеханова Сталин не играл никакой роли, о чем конечно нельзя было и подумать, а не только сказать.

В том же году партийное руководство республики обнаружило «крамолу» в «Очерке истории украинской литературы», где якобы содержались «националистические взгляды», и история украинской литературы была «извращена» Грушевским и его школой. Срочно были приняты меры к немедленному изъятию «очерков» из библиотек вузов и от дирекции и профессорско-преподавательского состава учебных заведений Сталинский обком потребовал усилить «борьбу против всяких проявлений «буржуазно-националистической идеологии» [11].

Последствием проверок стал постоянный контроль над работой высших учебных заведений. Перед вузами, и в первую очередь перед общественными кафедрами, были поставлены идеологические задачи усиления политико-воспитательной работы со студентами. Преподавателям при чтении лекций, указывалось в решениях обкома и парткома ДИИ, следовало убедительнее показывать преимущества нашей системы и обязать членов кафедры политэкономии и основ марксизма-ленинизма расширить помощь профессорско-преподавательскому составу, самостоятельно изучающему произведения классиков марксизма-ленинизма [12].

Выполнять эти задачи было довольно сложно, поскольку студенты не могли не знать, что в сельском хозяйстве сбор зерновых в 1946 г. составил 3-5 центнеров с гектара. Деревня голодала, да и в городе положение было не намного лучше.

В июне 1947 г. от общих и голословных обвинений в «ошибках» сталинская власть перешла к конкретным идеологическим кампаниям против научной интеллигенции. Партийное руководство страны организовало так называемое «дело профессоров». За сотрудничество с «буржуазным Западом» профессора Н.Г.Клюева и Г.И.Раскин, авторы научной работы «Пути биотерапии рака», опубликованной в зарубежном журнале, были обвинены в «антипатриотизме» [13]. ЦК Коммунистической партии потребовал от всего народа единодушного осуждения ученых.

Эта кампания, как и все последующие обязательно изучались во всех вузах страны и в них обязательно выявлялись «факты» местного значения, соответствующие обвинительным партийным документам.

В Донецком индустриальном институте весь сентябрь 1947 г. был посвящен обсуждению таких идеологических проблем. Так, 4 сентября 1947 г. коммунисты вуза обсуждали «антипартийный поступок» профессоров, 22 сентября рассматривали Постановление ЦК КП(б)У «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института Истории Украины, Академии наук» и Постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 12.09.1947 г. «Об улучшении преподавания и политико-воспитательной работы в высших учебных заведениях» [14] В республике резкой критике уже были подвергнуты труды С.Белюсова, К.Гуслистого, М.Петровского, М.Супруненко, Л.Славина, Ф.Ястребова и других. Они надуманно были обвинены в отходе от большевистского принципа партийности, в «антинаучности», возрождении основных идей исторических концепций Д.Антоновича, М.Грушевского, изображении истории Украины изолировано от истории других народов СССР.

Этими решениями партией был дан старт идеологической борьбе в СССР с «низкопоклонством» перед Западом. Железный занавес в отношениях Советского Союза с Западом был призван отгородить советскую науку от зарубежной и противопоставить их. Ученые, невзирая на законы материального мира, должны были развивать науку по советским законам.

Вначале от профессорско-преподавательского состава требовалось изъять из вузовских предметов упоминания об иностранных ученых и их открытиях, заменяя их именами советских ученых или русских. В ДИИ, как и в других вузах, началась кампания по пересмотру и проверке учебников, лекционного материала, учебных пособий на предмет «преувеличенной роли зарубежной науки» в них. По результатам проверки партийный комитет в своих решениях указал преподавателям технических кафедр на то, что в лекциях они не уделяют внимания «развитию русской техники и науки» [15]. Так, говорилось в постановлении партийного комитета ДИИ по данному вопросу, в рекомендованной для студентов брошюре Леонтьева по политэкономии, преобладали иностранные ученые и не упоминались Яблочков, Чернов и другие русские изобретатели. Было также сделано замечание профессору А.М.Найдышу, который якобы «восхвалял культуру дореволюционной России». В «увлечении примерами по Германии» был обвинен заведующий кафедрой «Металлургия стали и металлургических печей» доц. С.И.Сапиро. В научной работе, опубликованной в 1946 г., в списке научной литературы по проблемам плавки мартеновской стали с применением диффузного окислителя, он перечислил статьи, которые вышли по этой тематике в Германии в 30-е годы. Ученый в выступлении на партийном собрании пробовал оппонировать таким критическим замечаниям, заявляя, что если мы используем данные заграничной науки, то почему их нельзя популяризировать, ведь они подтверждают научную истину [16]. Но такие выступления становились все реже. Таким образом, научные исследования теперь должны были базироваться только на отечественной науке

Смехотворное обвинение, прозвучало на собрании в адрес руководства факультетов за преобладание в лабораториях иностранной техники – станков, машин. Так, в лабораториях горно-заводской электротехники машины почти все были иностранные – фирм Сименс-Шуккерт, Дженераль-электрик и т.д. В лабораториях общей техники – компрессоры американские, насосы английские и другое трофейное оборудование [17].

1948 г. стал переломным в возврате старых довоенных методов контроля над обществом. Печально известная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук в августе 1948 г. стала демонстрацией диктата партии и государства в научной

сфере. Исследования в области генетики были свернуты, началась широкомасштабная дискуссия по вопросам языкознания, философии, политэкономии.

В Украине жертвами «лысенковщины» стали академик М.Гришко, профессора С.Гершензон, Л.Делоне, И.Поляков и другие. Дискуссии по данным вопросам были перенесены в учебные заведения страны.

Сталинский областной комитет КП(б)У отреагировал на это тщательной проверкой работы учебных и научных учреждений на предмет борьбы с «вейсманизмом и морганизмом». Из библиотек вузов, школ, медучреждений были изъяты учебники, пересмотрены учебные планы, программы, преподавательский состав по биологическим наукам. Уже в сентябре 1948 г. было выяснено, что в работе Сталинского медицинского института не «перестроена работа в свете учения Мичурина-Лысенко», на научной сессии института 14 ноября 1948 г. отсутствовала критика «вейсманизма-морганизма». В рабочих планах Ждановской акушерской школы не оказалось вопроса обсуждения материалов сессии ВАСХНИЛ [18]. Обвинения, замечания носили антинаучный, субъективный характер, оценка работы вузов, преподавателей все больше зависела от того, как они в своей работе используют бредовые идеи лженаучных деятелей и критикуют и шельмуют науку и ученых, отстаивающих право на инакомыслие.

В борьбе за выполнение идеологической линии партии активно участвовала пресса. Передовицы и официальные статьи по таким проблемам подлежали обсуждению во всех коллективах. Участвовать в этой нелепой и абсурдной кампании должны были и Ученые Советы вузов.

В январе 1949 г. на заседании Ученого Совета ученые ДИИ вынуждены были обсудить статью О.Алентьева «Против низкопоклонства перед буржуазным Западом», напечатанную в журнале «Большевик Украины». В ней многие известные на весь мир открытия приписывались отечественным изобретателям, особенно тем, кто был в фаворе у Сталинской власти.

Научным работникам, авторам известных монографий, учебников, докторам и кандидатам технических наук пришлось молча согласиться с невежественными замечаниями и изменениями, сделанными автором в приоритетности научных открытий западных и русских ученых. Что, например, открытие закона сохранения вещества и энергии принадлежит М.Ломоносову, что электрическую дугу открыл

русский физик В.В.Петров, что теория деления урана под влиянием бомбардировки его нейтронами была создана раньше Бора членом-корреспондентом Академии наук СССР Я.И.Френкелем [19].

Суровой критике были подвергнуты преподаватели вузов Украины за использование учебников, в которых открытия в области науки и техники закономерно признавались за западными учеными. Так, преподаватели Харьковского института советской торговли были обвинены в «низкопоклонстве» перед Западом за то, что в лекциях автором первой прядильной машины называли англичанина Эркрайта., а не русского изобретателя Родиона Глинкова [20]. Приписывание первенства в создании новой техники русским даже не оговаривались в отдельных случаях тем, что их изобретения не получили по разным причинам признания и не были поставлены в промышленное производство.

Чтобы исправить так называемую «несправедливость в приоритете русской науки в области химии», в институте биохимии АН СССР в учебники была внесена поправка, что «основоположником современной химии Лавуазье является М.Ломоносов» [21]. Невежество партийных и государственных чиновников от образования доходило, таким образом, до полного абсурда. Ими были раскритикованы учебники по медицине, по металлургии, за то, что открытия русских механиков, ученых якобы приписывались западным изобретателям. Без зазрения совести чиновники утверждали, что русские изобретения были «украдены исследователями Запада» [22].

Серьезной критике подвергся учебник «Очерки по металлургии чугуна» 1947 г. авторов Н.И.Красавцева и И.А.Сировского. за «неправильную рекламу» англичан Белля, Грюнера и шведа Акермана как основателей науки металла и чугуна [23]. Но главным в «критическом анализе» было утверждение, что в учебнике изобретение паровой воздуходувной машины «приписывалось» Ньюмену и Уатту, в то время как некий профессор Данилевский «доказал, что приоритет принадлежит Ползунову». Без зазрения совести объявлялось, что ученый Эрксайт «обокрал Родиона Глинкова», а Ньюмен «присвоил изобретение Ползунова» [24]. Таким образом, плагиат в науке был поставлен на солидную государственную основу.

Итогом обсуждения вопросов приоритета русских ученых было требование, усиления борьбы с западной буржуазной наукой и «разоблачением ее «реакционной

сущности» [25]. В высших учебных заведениях профессорско-преподавательскому составу откровенно вменялась обязанность поносить зарубежную науку, беззастенчиво приписывать чужие открытия и изобретения отечественным ученым. Вмешательство в учебный процесс и научную деятельность государственных и партийных чиновников сужало перспективы вузовской науки, не позволяло изучать передовой опыт зарубежной и тем тормозило развитие своей, создавало условия для развращения той части научных деятелей, которые могли воровать чужие открытия. Наука все чаще подменялась «псевдонаукой». Причем власть беспощадно расправлялась с теми, кто позволял себе не соглашаться с «идеологической линией» партии, высказывал критические замечания в адрес официально признанных ученых, литераторов, деятелей культуры и науки и особенно в адрес тех, кого власть наградила Сталинскими премиями. Против них в прессе посыпались обвинения в «космополитизме», «буржуазном эстетстве» за якобы «гнилое отношение к лучшим образцам советской культуры и искусства» [26].

В 1949 г. от общих замечаний партийные органы перешли к целенаправленному шельмованию ученых Донецкого индустриального института, организовав масштабную проверку научных трудов профессорско-преподавательского корпуса на предмет использования ими работ зарубежных авторов. Очень скоро такие работы были обнаружены и в областной прессе ученые были заклеены «низкопоклонниками» Запада».

27 марта 1949 г. в Донбассе в двух областных газетах «Социалистический Донбасс» и «Радянська Донеччина» одновременно появились статьи «Против рабского преклонения перед иностранщиной» и «Искоренить все проявления низкопоклонства перед буржуазным Западом». Авторы дружно обвинили преподавательский коллектив ДИИ в том, что он недостаточно борется с «низкопоклонством перед Западом».

Нелепым нападкам подвергся сборник «Научные труды ДИИ» 1941 г. В работах тт. Стрельца, Брайнина, Турсунова чиновники от прессы в списке использованной литературы нашли, как они выразились, «экскурс в заграничную историю». А у профессора В.А.Сорокина в книге «Устройство и оборудование доменных печей» на первом месте в списке литературы обнаружили англичанина Кенина, а только после него академика Павлова» [27]. Недовольство авторов статей вызвало и то, что в работе

доцента Лейбова «Взрывоопасное шахтное оборудование», изданной в 1937 г., имелось огромное количество ссылок на результаты опытов иностранных ученых [28].

Примером проявления «низкопоклонства» авторы статей сочли работу Денисенко С.А. «Анализ работы одной электрической мостовой схемы», помещенной в юбилейном сборнике научных трудов ДИИ. В ней автор в списке литературы указал иностранных авторов и на иностранном языке, что, по мнению газетчиков, было рекламой западной науки [29]. В Советском Союзе это было уже небезопасно.

Так называемые «идейные ошибки», преклонение перед американской техникой и уменьшение роли советской техники были найдены в работах профессоров В.Г.Гейера и С.С.Герчикова. Разнос, устроенный ученым ДИИ в масштабах области имел показательное значение. Известных ученых, научную вузовскую элиту власть намеревалась привести к полной покорности, отгородить их от всего мира, западной науки, поломать судьбы, искоренить таланты, выхолостить творчество.

Критические замечания в адрес научной элиты вуза не могли не остаться без ответа партийного комитета и партийной организации. Срочно 1 апреля 1949 г. в ДИИ было созвано закрытое партийное собрание, на котором «критику» признали «правильной» и наметили меры по исправлению ошибок. Так, работы, подготовленные к печати, должны были подлежать обсуждению на кафедре и факультете. Обязательное участие в обсуждении должны были принимать преподаватели общественных кафедр и высказывать свои замечания, оказывать помощь в исправлении «ошибок». Уже на собрании было объявлено, что кафедра политэкономии приняла активное участие в обсуждении книг Герчикова и Геера. Профессоры и доценты, ученые вуза оправдывались на собрании, признавая критику справедливой, но и не совсем точной [30].

В 1949 г. власть занялась проверкой точных и естественных наук в вузах. В марте 1949 года Управление по делам высшей школы при Совете министров СССР утвердило схему проверки преподавания физики в вузах. За основу были положены решения сессии ВАСХНИЛ 1948 г. по таким направлениям: «наличие формализма и формальной логики», «преклонение перед буржуазной наукой и уровень освещения роли отечественной науки» в преподавании физики [31].

В ДИИ была обследована работа кафедры физики. Заведующий кафедрой т. Кардаш еще ранее обвинялся в том, что в лекциях не уделял внимание «разоблачению

буржуазных идеалистических теорий» [32]. Теперь наступление советской «инквизиции» на преподавателей кафедры физики было фронтальным. А поскольку многие открытия в области физики были сделаны учеными Запада, то поле для критики было огромным.

В апреле 1949 г. Ученый Совет института заслушал вопрос «Об отражении в преподавании дисциплины физики новых достижений советских ученых». После длительного обсуждения в постановлении был сделан вывод, что кафедра физики «слабо выполняет решения сессии ВАСХНИЛ 1948 г». Несмотря на то, что в лекциях по предмету большинство открытий теперь уже приписывалось русским ученым (Ладыгин изобрел электрическую лампочку, Иваненко первый разработал теорию атомного ядра, Петров осуществил электрическую дугу и так далее), в деятельности заведующего кафедрой физики нашли новый криминал - «слабое разъяснение студентам «идей космополитизма и идеализма» в физике [33]. Обвинения заведующего кафедрой физики, в якобы «низком идеологическом уровне чтения лекций по физике» в течение 1949 -1950 гг. дополнилось обвинениями в «антипартийных высказываниях» и «националистических выступлениях». Дело закончилось постановлением партийного комитета ДИИ об исключении В.П.Кардаша из партии. Бюро Сталинского обкома ЦК КП(б)У не утвердило это решение, учитывая, что Кардаш В.П. был участником Великой Отечественной войны, и вынесло ему выговор. Позже, в 1952 г. он ушел в другой вуз.

В 1950 году в вузах ужесточился подход к оценке преподавания естественных дисциплин, в технических вузах – химии и физики. Проверка Ученым Советом ДИИ показала, что в учебной работе этих кафедр недостаточно «показана роль отечественных и советских ученых, допускаются ошибки в «приписывании открытий зарубежным ученым» и материал в лекциях не подается с точки зрения марксизма-ленинизма» [34]. В 1950 г. была проведена идеологическая проверка работы кафедры математики. Обвинения в адрес преподавателей кафедры математики были надуманными и абсурдными – «несоответствие изложения материала позициям марксизма-ленинизма», «слабо показывались преимущества советского строя». Такими были выводы проверяющих - работников гуманитарной кафедры «Основы марксизма-ленинизма». Позднее была сделана попытка проверки вводных лекций по точным дисциплинам преподавателями общественных кафедр для «верной идеологической

линии» [35]. Абсурдность такого положения в высших учебных заведениях стала результатом идеологического вмешательства государства в научную и учебную деятельность высшей школы.

Новая идеологическая кампания, проведенная в вузах, была связана с критикой газетой «Правда» «идеологических извращений в литературе». Под эту кампанию попали работники культурных учреждений – писатели, поэты, художники, композиторы. Деятели культуры, интеллигенция обвинялась в аполитичности художественных произведений, музыкальных композиций, театральных постановок. Сталинский обком КП(б)У отреагировал на это постановлением о том, что в отдельных вузах области неудовлетворительно поставлена работа с профессорско-преподавательским составом (в Сталинском педагогическом и Артемовском учительском институтах) [36].

В вузовских коллективах, как и во всех других, так называемые, «идеологические ошибки деятелей творческих работников литературы и искусства» были дружно осуждены.

Эксперименты над образованием продолжались. Завершающей кампанией сталинского периода, касающейся высшей школы, было внедрение проблем «языкознания» в учебный процесс и на их основе принятие мер по улучшению подготовки научно-педагогических кадров общественных наук. Как и предыдущие решения, Постановление ЦК ВКП(б), дало повод в который раз проверить работу общественных кафедр. 4 марта 1952 года Сталинский обком КП(б)У специально заслушал работу кафедры «Основы марксизма-ленинизма» ДИИ им. Н.С.Хрущева. В Постановлении отмечались низкий теоретический уровень преподавания этих дисциплин, начетничество, сухость изложения, талмудизм. Преподаватели, указывалось, не раскрывали творческий характер марксистско-ленинской теории, не показывали преимущества социалистической системы, не давали серьезной критики «современным идеалистическим реакционным теориям», а на семинарах студенты показали слабые знания и поверхностно освещали вопросы [37].

Вся эта идеологическая атака на высшую школу, технические, естественные и гуманитарные науки сопровождалась списанием учебников, методических пособий, монографий, статей, написанных либо опальными учеными или авторами еврейской национальности. В течение 1949-53 гг. в вузы поступали приказы с огромными

списками учебной и научной литературы на списание как устаревшей практически по всем вузовским дисциплинам. Некоторые из них действительно были изданы до войны, но многие в 1944 - 50 гг. Основанием для списания служили стандартные объяснения. Так, в приказе Министерства Высшего Образования №1344 от 18 октября 1949 г. «Об исключении из числа учебников книги Хайкина С.Э. «Механика» указывалось, что книга «аполитична» и «вредна», так как автор не «подтверждает на материалах физики основные положения диалектического материализма» [38].

Особенно много было переводной технической литературы известных европейских авторов. Таким образом, студенты с 1952 года учились только по советским учебникам, другая научная и учебная литература им была недоступна.

Политические и идеологические кампании в высшей школе в течение 1946-52 гг. наносили огромный вред учебному процессу, обучению студентов, формированию инженерного мышления, научному творчеству учащейся молодежи. Субъективизм, схоластика, запреты на изучение зарубежного опыта, противопоставление западной науки отечественной, трата времени ученых на бесплодные идеологические кампании и лженаучные оценки роли отечественной науки сужали возможности вузов качественно выполнять свои основные функции - обучать молодежь, давать им научные знания, развивать вузовскую науку, готовить себе достойную смену, молодых ученых.

Исследование проблем политического и идеологического вмешательства власти в учебную и научную деятельность высших учебных заведений, пагубных последствий для науки и высшей школы, сделает гласной политику политического давления на науку, научных работников и поможет создать условия для недопустимости подобного идеологического насилия над высшей школой в настоящем и будущем.

Литература

1. Заднепровский А.И. Голод 1946-1947 гг. в селах Донетчины // Новые страницы в истории Донбасса. Кн.2. – Донецк, 1992.-114 с.; Задніпровський О.І.

- Голод в історії Донеччини: корот. нарис (X-XXст.) /ДонДУ, Донец.вид-ня наук. тов-ва Т.Г.Шевченка. – Донецьк: УКЦентр, 1999.- 88с.;
2. Немцы Украины – жертвы сталинских репрессий, 1929-1955 гг.: Сборник документов // Сост. А.А.Дынгес, Ю.А.Дынгес: Донецк. нац. культ. о-во немцев «Видербургер» - Донецк: Анекс, 2002. – 124с.
 3. История рабочих Донбасса. В 2-х т. / Гл. ред. Ю.Ю.Кондуфор.- Т.2.-К., 1981.; А.А.Саржан Социально-экономические и политические процессы в Донбассе (1945-1998рр.): Монография. – Донецьк: Сталкер, 1998. – 300с.; Куромія Гіроаки Свобода и террор у Донбасі: Укр.-рос. Прикордоння, 1870-1990 роки /1946-52. - 456с.
 4. Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф.742..о.1,д.99., л.54.
 5. Там же.
 6. Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1946 г. О журналах «Звезда» и «Ленинград». // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч.III, изд.7. Госполитиздат, М., 1954. С.485.
 7. ГАДО,Ф.326, о.4,д.172,2.17.
 8. А.Саржан. Социально-экономические и политические процессы в Донбассе (1945-1998).С. 56.
 9. (ГАДО). Ф.326, о.4, д.135, л.52
 10. Там же, л.54.
 11. Там же, Ф.326, о.4, д.172, л.17-18.
 12. Там же, д.100., л.51.
 13. Там же, Ф.326,о.4, д.756, л.75.
 14. Там же, д.101, л.107.
 15. Там же, л.49.
 16. Там же, л.57,60.
 17. Там же, 68,69.
 18. Там же, Ф.326, о.7, д.174, л.45-47.
 19. Там же, Ф-Р, о.2. д.199, л.36-47.
 20. Там же.
 21. Там же, л.49.
 22. Там же.

23. Там же, л.50.
24. Там же, л.49.
25. Там же, л.52.
26. Там же. Ф.742,о.1. д.105, л.11-12.
27. Там же, л.15.
28. Там же.
29. Там же, л.14.
30. Там же, л.13.
31. Там же, Ф-Р.1087, о.2, д.199,л.6.
32. Там же, д.107,л.12-13.
33. Там же, Ф.-Р 1087, о. 2, д.195,л.121-122.
34. Там же, Ф.Р-1087, о.2, д.242, л. 182-190.
35. Там же, д.383,л.135,309,315,
36. Там же, Ф.326, о.8, д.103, л.75, 94-96.
37. Там же, д.469, л.9-12.
38. Там же, Ф.Р-1087, о.2, д.183,л.334.